

Научный сотрудник Международного центра изучения институтов и развития НИУ ВШЭ,
преподаватель департамента прикладной экономики НИУ ВШЭ

«Адвокат дьявола» для «оборотня в погонах»: какие адвокаты защищают российских правоохранителей, попавших под суд?

Аннотация

В условиях, когда принцип верховенства закона не выполняется, отдельные привилегированные группы получают преимущество на суде. Недавние исследования показали [Volkov, 2016], что правоохранители являются одной из социальных групп, которая, оказавшись под следствием, имеет в России значительно более высокие шансы на позитивный исход дела. Причин у этого может быть много, в том числе их особый статус и лояльность со стороны судей. Не отвергая эти возможные причины, мы предполагаем, что правоохранители, имея уникальный опыт работы внутри правоохранительной системы, способны выбирать для себя более эффективных защитников. На основе опроса 3317 адвокатов мы показываем, как отличаются опыт, этика и эффективность адвокатов, имеющих и не имеющих опыта защиты сотрудников силовых ведомств и судей. Защитники правоохранителей часто сами имели опыт работы в правоохранительной системе. Такие адвокаты добиваются наиболее значимых результатов в условиях «обвинительного уклона». Кроме того, они чаще фиксируют нарушения прав подзащитных, чаще добиваются позитивных результатов для своих подзащитных. Наконец, защитники правоохранителей чаще являются «адвокатами дьявола» т.е. декларируют свою готовность за большие деньги защищать интересы людей, пользующихся репутацией преступников.

Ключевые слова: адвокат, правоохранительная система, нарушения прав подзащитных, профессиональная этика.

Введение

Тема защиты правоохранителей в суде может показаться маргинальной на фоне других проблем правоохранительной системы в России, таких как “палочная система” отчетности [Paneyakh, 2014], “обвинительный уклон” при котором лишь 0,4% дел заканчиваются оправдательным приговором [Панеях и др., 2010; Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права, 2012], нарушений прав подзащитных со стороны правоохранителей [Казун, Яковлев, 2015]. Однако ее рассмотрение может оказаться весьма полезным для понимания общей логики работы правоохранительной системы, в том числе объяснения ее перечисленных выше особенностей.

Ситуация попадания правоохранителя под суд весьма интересна, поскольку сразу по нескольким причинам является отклонением от того, что считается самой правоохранительной системой нормой. Во-первых, нарушение закона со стороны правоохранителя является ударом по репутации всей системы в целом. С этой точки зрения оно должно безжалостно наказываться. Во-вторых, правоохранитель не является обычным для уголовной системы подзащитным (в стандартном случае речь идет о безработных и рецидивистах), но является бывшим коллегой. Каждый правоохранитель, участвующий в таком уголовном деле будет невольно задавать себе вопрос “А что, если на его месте был бы я?”, в особенности, если поведение этого правоохранителя или его коллег не является в полной мере честным. В-третьих, дела против правоохранителей по определению являются особыми (ими занимается Следственный комитет РФ), а при наличии общественного

резонанса еще и политическими. Результат того или иного громкого дела может являться сигналом для других правоохранителей: либо “своих не сдаем”, либо “начинается чистка, нужно вести себя осторожнее” (например, таким сигналом было создание Центра общественных процедур “Бизнес против коррупции” [Yakovlev, Sobolev, Kazun, 2014]). Наконец, правоохранитель, оказавшийся в суде, имеет существенно больше информации о самом процессе ведения уголовного дела чем обычных граждан. Он может использовать свои знания для того, чтобы эффективно выстроить судебный процесс. Он не совершит тех же ошибок, какие совершат обычные граждане. Прежде всего, он выберет правильного адвоката. Именно на последнем аспекте процесса против правоохранителей мы и остановим свое внимание в данном исследовании.

Неравенство перед законом

Тема неравенства граждан перед законом хорошо изучена в зарубежной литературе (см., например [Rhode, 2004; Spohn, 2008]). Чаще всего неравенство связывается с полом, расой, наличием семьи, занятостью и уровнем дохода. Недавние исследования [Волков, 2014; Титаев, 2014; Chatsverykova, 2016] показали, что такое же неравенство характерно для российского правоприменения. В частности, правоохранители и чиновники имеют более высокие шансы на мягкий приговор (в условиях “обвинительного уклона” это обычно означает не оправдание, а условный срок).

Существует немало исследований, посвященных различным неформальным практикам российских правоохранителей, таким как коррупция [Belianin, Kosals, 2015; Slade и др., 2015] и изъятие ренты [Gerber, Mendelson, 2008; Markus, 2015], последствиям искаженной системы оценки эффективности их работы [Бердышева, 2013; Paneyakh, 2014; Kazun, Яковлев, 2015; Бердышева, 2016], а также феномену “телефонного права” [Ledeneva, 2008; Hendley, 2009] и вопросам доверия населения к институту правоприменения [Hendley, 2013].

Исследователи Института проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге в серии работ реконструировали логику работы прокуроров [Панеях и др., 2010], следователей [Шклярчук, 2014], судей [Волков и др., 2016; Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права, 2012]. Из этих исследований можно сделать выводы, что с одной стороны, у правоохранителей в связи с иерархической системой контроля и высокой нагрузкой остается сравнительно узкий диапазон для принятия решений, но с другой стороны возможности для оппортунизма не исключены. Необходимость реформирования системы понимается властью сравнительно давно, но результативность предыдущих реформ остается достаточно низкой [Jordan, 2005; Титаев, 2012; Taylor, 2014].

На фоне этих глобальных вопросов, уголовный процесс против правоохранителей в России ранее не становился объектом систематических исследований. В зарубежной литературе эта тема тоже являлась до недавнего времени сравнительно малоизученной. В США новая волна интереса к этой проблематике связана с применением полицейскими оружия против молодых людей. Наиболее известным случаем стало убийство белокожим 28-летним полицейским безоружного 18-и летнего чернокожего юноши в августе 2014 года, которое вызвало массовые беспорядки городе Фергюсон [Levine, 2016]. В этом контексте существенное внимание исследователи уделяют вопросу оценки легитимности использования насилия полицейскими [Gerber, Jackson, 2016]. Впрочем и вопросы оценки эффективности [Wu, Chen, Yeh, 2010; Drake, Simper, 2005] и возможностей манипуляции с

отчетностью [Eterno, Verma, Silverman, 2016; Tavis, Aronson, 2008] актуальны не только для России.

Нарушения закона правоохранителями в России

Действия представителей правоохранительных органов России достаточно часто оказываются предметом пристального внимания общественности. В 2009 году в московском супермаркете устроил стрельбу майор ОВД Царицыно Евсюков¹, в результате стрельбы два человека погибли, двое были ранены. В 2012 году произошел сильный скандал с пытками подозреваемых в ОВД “Дальний” г. Казань². В 2016 году состоялся громкий арест полковника полиции Дмитрия Захарченко, примечательный тем, что при обыске в его квартире и машине было обнаружено около 9 млрд. рублей³.

Как показывает целый ряд исследований, правоохранительные органы в России нередко оказываются вовлеченными в рентоориентированное поведение, включая рейдерские захваты бизнеса, вымогательство и коррупцию [Firestone, 2008; Osipian, 2012; Rochlitz, 2014; Kazun, 2015]. Причины, почему данная практика оказывается раскрытой, могут быть самыми разными, от работы на основе поступивших жалоб, до межведомственной борьбы, смены руководства региона и др. Однако эти громкие дела не всегда оказываются типичными.

Согласно данным Судебного департамента, главная причина, по которой правоохранители привлекаются к уголовному преследованию – получение или дача взятки (55% случаев в 2015 г.). Вторая по распространенности причина – мошенничество (14,7% случаев). В 6,3% случаев преступления были связаны с наркотиками, в 3,7% с причинением вреда здоровью. Убийства правоохранители совершают редко (лишь 0,6% от всех дел в 2015 г.). Таким образом, можно сделать вывод, что абсолютное большинство случаев, по которым российские правоохранители попадают в суд связаны с использованием ими своего служебного положения для извлечения материальной выгоды.

Какое же наказание получают правоохранители? По данным Судебного департамента в 2015 г. 27% правоохранителей были приговорены к реальным срокам тюремного заключения. Еще 32% получили данное наказание условно, 22% заплатили штраф, 16% освобождены от наказания. Поскольку структура совершаемых преступлений в различных профессиональных группах отличается, прямое сравнение результатов было бы неправомерным. Однако Волков [Волков, 2014] на основе анализа 1,5 млн. уголовных дел сделал вывод о том, что правоохранители имеют более высокие шансы быть оправданными, получают более мягкие наказания. Сотрудники правоохранительных органов являются не единственной группой со сравнительно более высокими шансами в суде, такими же привилегиями пользуются, например, чиновники.

Таким образом, мы можем сделать важный вывод о том, что правоохранители в России получают преимущества на судебном процессе. На текущий момент мы не имеем возможности проверить все возможные причины, по которым возникает данное

¹ Стрельбу в московском супермаркете устроил начальник ОВД Царицыно. Лента.ру. 27 апреля 2009. [<https://lenta.ru/news/2009/04/27/chief/>].

² Полицейские ОВД "Дальний" за пытки граждан получили в закрытом режиме 67 лет. Право. Ру. 16 июня 2014. [<https://pravo.ru/news/view/106173/>].

³ Дело Захарченко: обшак превратился в вещдок. Новая газета. № 122 от 31 октября 2016. [<https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/10/31/70363-obschak-prevratilsya-v-veschdok>]. Мосгорсуд отказался отпустить полковника Захарченко под домашний арест. РБК. 24 ноя 2016. [<http://www.rbc.ru/society/24/11/2016/5836a7069a79476a127bb509>].

преимущество, но можем рассмотреть один из аспектов этого – участие адвокатов в защите правоохранителей.

Гипотезы

Правоохранители, безусловно, оказываются сравнительно более сильной стороной в судебном процессе, как за счет возможной солидарности со стороны бывших коллег, так и за счет наличия опыта работы в правоохранительной системе, понимания механизмов ее работы. Можно предположить, что они захотят видеть в качестве своих защитников кого-то из своей среды.

1. Правоохранители в России выбирают для себя адвокатов, которые имеют опыт работы в правоохранительной системе

Это обстоятельство может объясняться двумя вещами – с одной стороны адвокаты, работавшие в правоохранительных органах, могут считаться «своими», более близкими по ценностям и взглядам на жизнь. С другой стороны, их опыт работы может позволить им лучше разобраться в деле действующего правоохранителя, ведь они лучше понимают, как работает правоохранительная система.

Другой возможной характеристикой адвокатов, защищающих правоохранителей, могут быть их этические взгляды. В частности, для них должна быть более характерна этика адвоката-консультанта, а не служителя закона или защитника морали (в терминах [Parker, Evans, 2007]).

3. Адвокаты с опытом защиты правоохранителей чаще готовы брать клиентов с репутацией преступников.

Хотя нормативный взгляд на профессию адвоката предполагает, что адвокат должен защищать любого клиента, в реальности у юриста есть возможность передать неприятное дело своему коллеге или же просто рекомендовать обратиться к другому адвокату. Таким образом, происходит «самоотбор» защитников на основе их этических взглядов.

Разумеется, одного только опыта работы в правоохранительной системе недостаточно. Адвокат должен выступать в противостояние с правоохранителями с целью получить желаемый приговор.

2. Адвокаты с опытом защиты правоохранителей чаще вступают в противостояние с судебной системой.

Этот тезис не является самоочевидным. Например, в работе [Ходжаева, Рабовски, 2015] показывается, что тактикой адвоката в обычных делах может быть и сотрудничество со стороной обвинения. Однако мы можем предположить, что адвокаты, нанимаемые правоохранителями, должны добиваться более высоких результатов в суде.

4. Результаты адвокатов, имеющих опыт защиты правоохранителей, выше чем у тех, кто не имеет опыта их защиты.

Эти результаты в условиях обвинительного уклона будут заключаться не столько в оправдательных приговорах (это происходит всего несколько раз за карьеру адвоката), сколько в небольших выигрышах, таких как оправдание по эпизодам, прекращение дела по реабилитирующим основаниям и пр.

Метод исследования

Материалами для настоящего исследования послужили данные всероссийского опроса адвокатов, организованного Институтом анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ и ИПП ЕУ при поддержке Федеральной палаты адвокатов. Всего было опрошено 3317 человек из 35 регионов страны, что составило 4,5% от всех юристов, имеющих действующий статус адвоката. Данное исследование репрезентирует организованную часть адвокатского сообщества, но не охватывает адвокатов, работающих в глубинках России или вовсе не взаимодействующих с региональными палатами адвокатов. Более детальное описание выборки и методологии данного исследования можно найти в специальном докладе, подготовленном по результатам данного исследования (Казун, Ходжаева, Яковлев 2015).

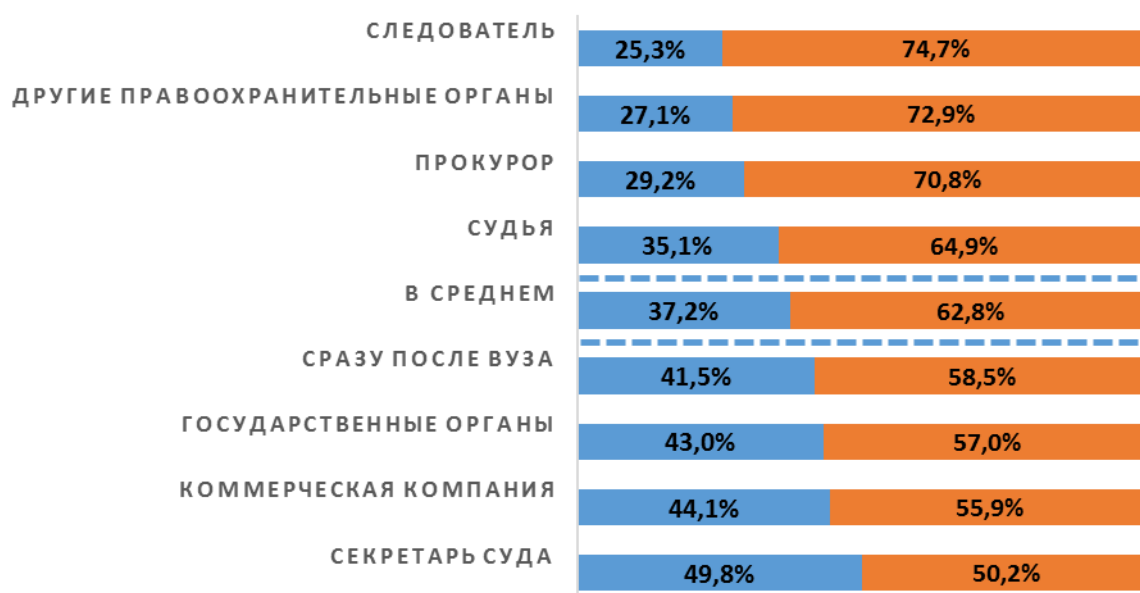
Анкета, по которой были опрошены адвокаты, включала в себя большой спектр вопросов о самых разных аспектах их работы: об их опыте, образовании, рабочей рутине, клиентах, "результативности" дел, профессиональной этике и многом другом.

Спецификой данного исследования является то, что мы не располагаем данными от правоохранителей. Однако закрытости данной корпорации трудно себе представить проведение репрезентативного общероссийского опроса. Проведение же опроса правоохранителей, попавших под следствие, кажется вдвойне сложной задачей (насколько известно автору исследования, нигде в мире подобных опросов не проводилось). Наличие же данных опроса адвокатов все же позволяет ответить на поставленные выше вопросы, хотя лишь косвенным образом.

Результаты исследования

Российские адвокаты имеют разнообразный опыт работы до прихода в профессию (более подробно об этом написано в [Казун, Ходжаева, Яковлев, 2015]). Примерно каждый пятый (21,7%) стал адвокатом сразу после вуза и стажировки. Еще столько же адвокатов имеют опыт работы в следствии (22,2%), 13,3% в прокуратуре, 11,8% в других правоохранительных органах. 23,2% адвокатов имеют опыт работы в коммерческой компании, 12,9% на государственной службе. Из судей адвокаты приходят редко – менее 4% нашей выборки, а вот из аппарата суда – 8,4%. Таким образом, на рынке работают адвокаты с очень разнообразным опытом. Таблица 1 показывает, кого предпочитают правоохранители.

Таблица 1. Связь между опытом работы юриста до адвокатуры и участием в защите правоохранителей.

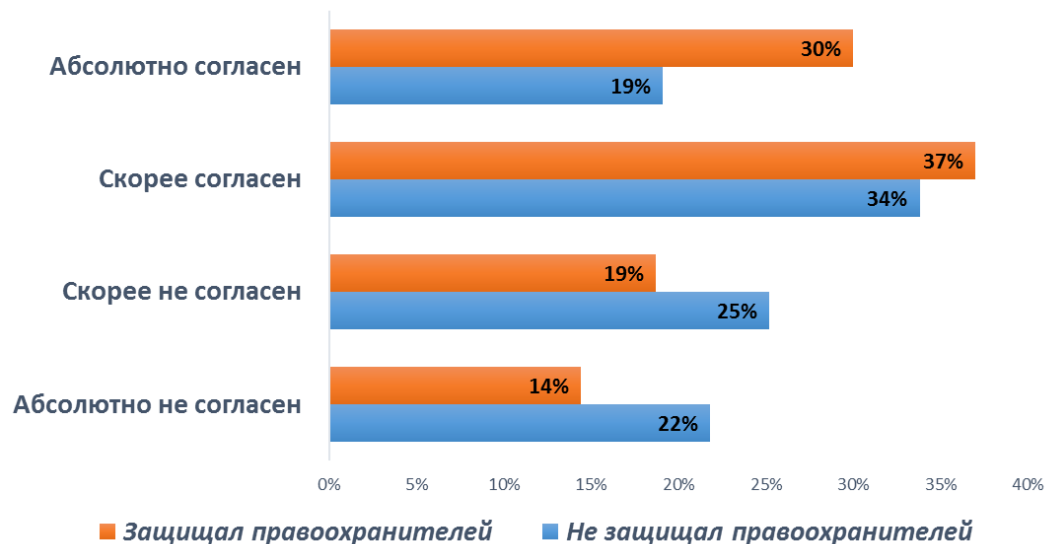
■ Не защищал правоохранителей ■ Защищал правоохранителей

Наибольшую вероятность участия в защите правоохранителей имеют адвокаты с опытом работы следователями, прокурорами и другими правоохранителями. Наименее часто в этом участвуют адвокаты с опытом работы секретарями суда⁴. Адвокаты, работавшие судьями, имеют шансы защищать правоохранителей на уровне среднего, но поскольку адвокаты очень редко имеют такой опыт работы и в выборке их немного, этот результат менее надежен.

Отличаются ли этические ценности адвокатов, которые защищают правоохранителей, от ценностей адвокатов, которые такого опыта не имеют? Таблица 2 показывает, что адвокаты сильно отличаются в зависимости от того, как они относятся в работе на криминальных авторитетов.

Таблица 2. Степень согласия с высказыванием “Если человек, пользующийся репутацией криминального авторитета, попросит меня за большие деньги стать его адвокатом, я соглашусь» в зависимости от опыта защиты правоохранителей”.

⁴ У этого обстоятельства есть интересное объяснение. По данным исследования [Volkov, Dmitryeva, 2015] большинство российских судей рекрутируются из секретарей суда. Такой успешный вариант карьеры, очевидно, возможен не для всех. Можно предположить, что те юристы, которые не смогли получить статус судьи, переходят в адвокатуру, сохраняя при этом неформальные связи в суде. Такие адвокаты будут более лояльны суда, не будут занимать “рьяную” позицию.

«Адвокаты дьявола» (те, кто абсолютно точно готов защищать криминальных авторитетов) существенно активнее вовлечены в защиту правоохранителей. Можно предположить, что такие адвокаты оказываются носителями необходимой для правоохранителя системы ценностей, связанной с прагматическим стремлением к достижению цели, а не служением общественному благу.

Ведут ли себя защитники правоохранителей иначе в суде? Таблица 3 показывает, что адвокаты, имеющие опыт защиты правоохранителей, значительно чаще вступают в противостояние с представителями правоохранительной системы: фиксируют нарушения прав подзащитных, спорят с судьей или прокурором, подают жалобы на должностных лиц.

Таблица 3. Индикаторы противостояния адвоката с правоохранителями в зависимости от наличия у него опыта работы защиты правоохранителей.

Таким образом, можно предположить, что правоохранители в качестве защитников выбирают тех адвокатов, которые не вступают в кооперацию с правоохранителями. Интересно, что для правоохранителей при выполнении служебных обязанностей именно такие, «рьяные» адвокаты являются наиболее неприятными контрагентами [Ходжаева,

Рабовски, 2015]. В недавнем исследовании [Бочаров, Моисеева, 2017] высказывался тезис о том, что “рьяные адвокаты” могут своими действиями только усугублять ситуацию своего клиента, тогда как кооперация с правоохранителями может приводить к более мягкому приговору. Хотя прямо подтвердить или опровергнуть этот тезис на основе данных опроса нельзя, выбор, который делают правоохранители, оказавшиеся под следствием, скорее противоречит этому тезису. Они предпочитают, чтобы адвокат активно отстаивал их позицию.

Приводят ли все эти качества к позитивным результатам? Дизайн нашего исследования позволяет дать лишь косвенный ответ на этот вопрос. Мы не задавали вопроса о том, чем заканчивались конкретные дела по защите правоохранителей, но спрашивали о различных результатах, достигнутых адвокатом в течение года по всей совокупности дел, а также о наличии у него оправдательных приговоров (это очень редкое событие, потому важен сам факт наличия или отсутствия такого итога за время карьеры). Результат представлен в таблице 4.

Таблица 4. Результативность адвоката в зависимости от наличия у него опыта работы защиты правоохранителей.

Из графика видно, что адвокаты с опытом защиты правоохранителей более эффективны по всем параметрам (однако различия по примирению в суде и на этапе следствия менее значимы). У 59% адвокатов, защищавших правоохранителей, были оправдательные приговоры (среди тех, кто не имеет этого опыта, лишь 33%). Они чаще достигали таких результатов как оправдание по эпизоду, прекращение дела по реабилитирующим основаниям на суде и на следствии, прекращение дела за истечением срока давности.

Таким образом, мы видим, что адвокаты с опытом защиты правоохранителей действительно более эффективны. Но остается вопрос о том, действуют ли эти факторы одновременно и насколько их влияние является устойчивым. Для проверки этого мы строим логистическую регрессию с зависимой переменной – опыт защиты правоохранителей. Эта модель будет показывать, как все перечисленные выше факторы влияют на вероятность

того, что адвокат будет или не будет участвовать в защите правоохранителей. Дополнительно мы включим в модель такие переменные как пол, стаж работы адвокатом, форму получения образования (очное или заочное и вечернее), место работы, форму адвокатского образования, контроли на размер выборки.

Таблица 5. Логистическая регрессия с зависимой переменной – участие адвоката в защите правоохранителей.

	B	Exp(B)
Пол (0 - мужчины, 1 - женщины)	-0,517***	0,596
Стаж работы адвокатом	0,03***	1,03
Опыт работы руководителем адвокатского образования	0,315*	1,37
Полное юридическое образование	0,192*	1,212
Этика “Адвокат дьявола”		
Готовность защищать криминального авторитета	0,465***	1,592
Противостояние правоохранителям		
Часто сталкивались с нарушениями хотя бы в 1 из ведомств	0,357***	1,43
Иногда или часто спорит с прокурором или судьей	0,379***	1,461
Иногда или часто подает жалобы на должностных лиц	0,449***	1,566
Результативность		
Добивался оправдательных приговоров	0,591***	0,554
Оправдание по эпизодам	0,347***	1,415
Прекращение по реабилитирующим основаниям в суде	0,107	1,113
Прекращение по реабилитирующим основаниям на этапе следствия	0,554***	1,74
Прекращение за примирением в суде	0,337**	1,401
Прекращение за примирением на этапе следствия	0,006	1,006
Прекращение за истечением срока давности уголовного преследования в суде	0,277*	1,32
Прекращение за истечением срока давности на этапе следствия	0,224	1,251
Опыт работы до адвокатуры		
Судья	0,082	1,086
Секретарь суда	-0,084	0,919
Прокурор	0,143	1,154
Следователь	0,517***	1,677
Другие правоохранительный органы	0,488***	1,629
Юрист на гос. службе	-0,082	0,921
Юрист в коммерческой компании	-0,267*	0,766
Тип адвокатского образования		
Бюро	-0,613	0,542
Кабинет	0,086	1,09
Юридическая консультация	-0,325	0,723
Место работы		
Столица региона	-0,094	0,91
Крупный город	0,132	1,142
Малый город	-0,166	0,847
Деревня	-0,164	0,849

Контроль на тип выборки		
Контроль на размер выборки ⁵ (0 - малая, 1 - сплошная)	-0,205*	0,815
Москва	0,061	1,063
Ленинградская область	0,077	1,08
Константа	-0,636	0,529
Nagelkerke R Square	0,257	
N	2438	

Примечание: *** - значимо на уровне 0,001, ** - значимо на уровне 0,01, * значимо на уровне 0,05.

На основе результатов регрессионного анализа мы можем описать характеристики, которые отличают адвокатов, защищающих правоохранителей, от адвокатов без такого опыта: чаще всего это получившие очное юридическое образование мужчины с большим стажем работы, руководящим опытом работы в адвокатской организации, опытом работы в следствии или других правоохранительных органах. Они чаще вступают в противостояние с правоохранительной системой и чаще достигают более высоких результатов на судебном процессе. Кроме того, это именно те профессионалы, которые готовы защищать людей с репутацией преступника. Данные результаты устойчивы при добавлении контрольных переменных, связанные с местом работы и выборкой.

Таким образом, результаты анализа не опровергают гипотезы, выдвинутые нами ранее.

Выводы

Ситуация, когда против правоохранителя возбуждается уголовное дело, является своеобразной лакмусовой бумажкой, раскрывающей суть работы правоохранительной системы. Более мягкий приговор по сравнению с обычными гражданами (при прочих равных) означает, что принцип равенства перед законом не соблюдается. Этот вывод в отношении России не является чем-то новым. По данным World Justice Project (WJP) Россия по индексу верховенства права занимает 92 место из 113 в мировом рейтинге⁶.

Однако ранее исследователи не обращали внимания на то, что правоохранители отличаются от обычных граждан наличием экспертного знания о том, как работает система. Как врач, столкнувшийся с необходимостью пройти лечение, будет выбирать себе доктора на основе своих знаний о работе системы здравоохранения (и никогда не пойдет к тому, кого считает некомпетентным), так и правоохранитель выберет для себя наиболее эффективного адвоката. Выбор правоохранителя показателен потому, что он отвечает на вопрос: какие адвокаты в России действительно эффективны? Мы видим, что они реже обращаются к адвокатам, выбирающим кооперативную стратегию или тем, кто на основе этических принципов отказывается от клиентов (или же такие адвокаты просто не работают с правоохранителями по той же причине, по которой они не защищают криминальных авторитетов). Образ «адвоката дьявола», возникший в художественной литературе, наиболее точно описывает юриста, защищающего правоохранителя: это активный и эффективный профессионал, использующий свой опыт для достижения поставленных целей. Оказывается, даже в условиях «обвинительного уклона» в правосудии такие адвокаты востребованы.

⁵ Более детальное описание выборки см. [Казун, Ходжаева, Яковлев, 2015].

⁶ См. <http://data.worldjusticeproject.org/>

Список литературы

1. Бердышева Е. «Братство из-под палки»: система оценки правоохранительных органов АППГ+1 как угроза единству профессионального сообщества российских полицейских // Профессионалы в эпоху реформ: динамика идеологии, статуса и ценностей: Коллективная монография. М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 111–130.
2. Бердышева Е. Дифференциация «привлекательности» правонарушений в восприятии российских полицейских // Экономическая Социология. 2016. Т. 17. № 4. С. 15–52.
3. Бочаров Т., Моисеева Е. Быть адвокатом в России: социологическое исследование профессии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 278 с.
4. Волков В. и др. Российские судьи: социологическое исследование профессии. М.: Норма, 2016. 272 с.
5. Волков В.В. Влияние социального статуса подсудимого на решение суда // Журнал Социологии И Социальной Антропологии. 2014. Т. XVII. № 4. С. 62–85.
6. Казун А., Яковлев А. Адвокатское сообщество и качество правоприменения в России // Экономическая Политика. 2015. Т. 10. № 4.
7. Титаев К. Хитроумные полицейские. Почему провалились все проекты улучшения правоохранительной деятельности в России // Социология Власти. 2012. № 4–5. С. 96–110.
8. Belianin A., Kosals L. Collusion and Corruption: an Experimental Study of Russian Police // 2015.
9. Chatsverykova I. Severity and leniency in criminal sentencing in Russia: the effects of gender and family ties // Int. J. Comp. Appl. Crim. Justice. 2016. Т. 0. № 0. С. 1–25.
10. Kazun A. Violent Corporate Raiding in Russia: Preconditions and Protective Factors // Demokr. J. Post-Sov. Democr. 2015. Т. 23. № 4. С. 459–484.
11. Levine K. How We Prosecute the Police // Georgian Law J. 2016. Т. 104. № 4. С. 745–776.
12. Markus S. Property, Predation, and Protection: Piranha Capitalism in Russia and Ukraine. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
13. Spohn C.C. How Do Judges Decide?: The Search for Fairness and Justice in Punishment. Los Angeles u.a.: SAGE Publications, Inc, 2008. Вып. 2nd edition. 376 с.
14. Volkov V., Dmitryieva A. Recruitment patterns, gender, and professional subcultures of the judiciary in Russia // Int. J. Leg. Prof. 2015. Т. 0. № 0. С. 1–27.
15. Титаев К. Предварительное заключение в российской уголовной юстиции: социологический анализ вероятности предварительного заключения и его влияния на решение суда // Экономическая Социология. 2014. Т. 15. № 3. С. 88–118.
16. Шклярчук М.С. Правовая статистика: системный конфликт между знанием о преступности и учетом ведомственной работы. СПб: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2014.

17. Gerber M.M., Jackson J. Justifying violence: legitimacy, ideology and public support for police use of force // *Psychol. Crime Law*. 2016. С. 1–17.
18. Volkov V. Legal and Extralegal Origins of Sentencing Disparities: Evidence from Russia's Criminal Courts // *J. Empir. Leg. Stud.* 2016. Т. 13. № 4. С. 637–665.
19. Панеях Э. и др. Обвинительный уклон в уголовном процессе: фактор прокурора. СПб: ИПП ЕУ СПб, 2010.
20. Slade G. и др. Informality, crime and corruption in Russia: A review of recent literature // *Theor. Criminol.* 2015. Т. 19. № 2. С. 278–288.
21. Казун А., Ходжаева Е., Яковлев А. Адвокатское сообщество России. Москва: ИПП ЕУ СПб, 2015.
22. Ходжаева Е., Рабовски Ю. Стратегии и тактики адвокатов в условиях обвинительного уклона в России // *Социология Власти*. 2015. № 2. С. 135–167.
23. Eterno J.A., Verma A., Silverman E.B. Police Manipulations of Crime Reporting: Insiders' Revelations // *Justice Q.* 2016. Т. 33. № 5. С. 811–835.
24. Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В.В. Волков. М.: Статут, 2012. 368 с.
25. Paneyakh E. Faking performance together: systems of performance evaluation in Russian enforcement agencies and production of bias and privilege // *Post-Sov. Aff.* 2014. Т. 30. № 2–3. С. 115–136.
26. Rochlitz M. Corporate raiding and the role of the state in Russia // *Post-Sov. Aff.* 2014. Т. 30. № 2–3. С. 89–114.
27. Hendley K. Puzzling Non-Consequences of Societal Distrust of Courts: Explaining the Use of Russian Courts, The // *Cornell Int. Law J.* 2013. Т. 45. С. 517.
28. Taylor B.D. Police reform in Russia: the policy process in a hybrid regime // *Post-Sov. Aff.* 2014. Т. 30. № 2–3. С. 226–255.
29. Wu T.-H., Chen M.-S., Yeh J.-Y. Measuring the performance of police forces in Taiwan using data envelopment analysis // *Eval. Program Plann.* 2010. Т. 33. № 3. С. 246–254.
30. Yakovlev A., Sobolev A., Kazun A. Means of production versus means of coercion: can Russian business limit the violence of a predatory state? // *Post-Sov. Aff.* 2014. Т. 30. № 2–3. С. 171–194.
31. Firestone T. Criminal Corporate Raiding in Russia // *Int. Lawyer.* 2008. Т. 42. № 4. С. 1207–1229.
32. Ledeneva A. Telephone Justice in Russia // *Post-Sov. Aff.* 2008. Т. 24. № 4. С. 324–350.
33. Hendley K. 'Telephone Law' and the 'Rule of Law': The Russian Case // *Hague J. Rule Law.* 2009. Т. 1. № 02. С. 241–262.
34. Parker C., Evans A. *Inside Lawyers' Ethics*. Cambridge England; New York: Cambridge University Press, 2007. Вып. 1 edition. 288 с.

35. Gerber T.P., Mendelson S.E. Public Experiences of Police Violence and Corruption in Contemporary Russia: A Case of Predatory Policing? // Law Soc. Rev. 2008. T. 42. № 1. C. 1–44.
36. Tavis C., Aronson E. Mistakes Were Made (but Not by Me): Why We Justify Foolish Beliefs, Bad Decisions and Hurtful Acts. London: Pinter & Martin Ltd., 2008. 304 c.
37. Rhode D.L. Access to Justice. : Oxford University Press, 2004. 265 c.
38. Drake L.M., Simper R. Police Efficiency in Offences Cleared: An Analysis of English “Basic Command Units” // Int. Rev. Law Econ. 2005. T. 25. № 2. C. 186–208.
39. Jordan P.A. Defending rights in Russia: Lawyers, the state, and legal reform in the post-Soviet era. : Cambridge Univ Press, 2005.
40. Osipian A. Predatory raiding in Russia: Institutions and property rights after the crisis // J. Econ. Issues. 2012. T. 46. № 2. C. 469–479.